

Су Тао прекрасно понимала: у Цинь Цзяюй не было никакой необходимости отделяться и звать Ли Сяньфу на разговор наедине. Этот поступок выглядел так, будто она намеренно пытается привлечь его внимание. С трудом подавив вздох, девушка бессознательно покрутила на пальце помолвочное кольцо, и прохлада металла постепенно вернула её сердцебиению ровный ритм.

.....

Вернувшись в шумный банкетный зал, Ли Сяньфу ощутил дискомфорт от резкой смены обстановки: слепящий свет люстр настойчиво бил в глаза.

Цинь Цзинь стоял неподалёку от дверей, всем своим видом излучая неприступность. Несколько гостей поблизости колебались, стоит ли подойти к нему, чтобы завязать полезное знакомство. Заметив, что кто-то уже направился прямо к этой ледяной глыбе, они тут же оставили свою затею.

Смелчаком, решившимся заговорить с Цинь Цзином, естественно, был Ли Сяньфу:

— Собираешься уходить?

Цинь Цзинь кивнул и спросил, не хочет ли тот поехать вместе.

Ли Сяньфу согласился и поманил рукой Ли Шаша, который держал его пальто.

Перебросившись парой слов со Стариком Ли, Ли Шаша прибежал к ним на своих коротких ножках.

Пока Цинь Цзинь ходил подогнать машину, Ли Шаша стоял у обочины, задрав голову, и спросил:

— О чём вы разговаривали в саду?

Под «вы» он имел в виду Ли Сяньфу и Цинь Цзяюй.

— Она меня проверяла.

Су Тао смотрела на вещи сквозь призму чувств. И хотя её вывод не был лишён смысла, он отражал лишь малую часть сути. Ли Сяньфу не ослеп от любви, поэтому куда чётче видел истинные цели Цинь Цзяюй.

— Пульс, взгляд, уголки губ... — В спокойном голосе Ли Сяньфу проскользнула лёгкая насмешка. — Цинь Цзяюй хотела убедиться, не лгу ли я насчёт потери памяти.

Вспомнив миг, когда она схватила его за запястье, Ли Сяньфу покачал головой. Человеческие чувства при измерении пульса ограничены — скорее всего, Цинь Цзяюй в тот момент воспользовалась помощью Системы, чтобы сделать выводы.

— Папа, а ты не пытался разыграть какую-нибудь обманку? — спросил Ли Шаша.

Ли Сяньфу снова качнул головой.

Сейчас Цинь Цзяюй проявляла излишнюю осторожность и предпочитала ходить вокруг да около. Такая связанность по рукам и ногам не могла не вызывать досады, но и они пока ничего не могли сделать.

Дать ей сигнал о настоящей амнезии было лучшим решением — это подтолкнёт её действовать смелее.

В этот момент к тротуару плавно подъехал чёрный седан. Сев в машину, Ли Сяньфу продолжал размышлять над поступками Цинь Цзинь. Спустя некоторое время он вдруг выпрямился, опустил стекло и внимательно уставился на небольшую башню с огоньками, видневшуюся на склоне холма чуть в стороне.

— Там случайно не гора Юйвэн?

Цинь Цзинь бросил быстрый взгляд и коротко отозвался:

— Угу.

Гора Юйвэн считалась местной достопримечательностью средней руки, а её главным символом являлась Башня Юйвэн.

Глядя на чарующий ночной пейзаж, Ли Сяньфу поддался внезапному порыву:

— Хочу съездить туда поглядеть.

Не задавая лишних вопросов, Цинь Цзинь просто развернулся на следующем перекрёстке и направил автомобиль по другой дороге.

Гора Юйвэн сама по себе была невысокой и не могла сравниться с величественными горными пиками. Вокруг неё раскинулся парк с ухоженными лесопосадками и цветущими клумбами.

Выходя из машины, Цинь Цзинь надел маску, а Ли Сяньфу натянул шляпу, так что они пока не привлекали особого внимания.

Гора Юйвэн была обязана своей славой древним любовным легендам. Сюда чаще всего приходили влюблённые парочки или компании девушек, а вот мужчин, поднимающихся на башню вместе, практически не встречалось. На ступенях это ещё не так бросалось в глаза, но когда они добрались до самой вершины, компания из двух взрослых мужчин с ребёнком стала выглядеть чересчур приметно.

.....

Вскоре после отъезда Ли Сяньфу Старик Ли и остальные тоже не стали задерживаться.

Сначала глава семейства решил, что Ли Сяньфу уехал раньше из-за Ли Шаша — чтобы ребёнок скорее лёг спать. Но по дороге мысли Старика Ли становились всё тревожнее. Стоило ему прикрыть глаза, как в памяти всплывал образ танцующих Цинь Цзиня и Ли Сяньфу.

Он взглянул на Ли Хуайчэня:

— Позвони и узнай, чем там занимается твой брат.

Ли Хуайчэню не требовалось разъяснять смысл:

— Если вы правда так переживаете, надо было волноваться полтора месяца назад, когда Цинь Цзинь только въехал к нам.

Снова поднимать эти вопросы сейчас — значит лишь попусту сотрясать воздух: поезд ушёл.

Старик Ли лишь холодно ухмыльнулся.

В тот момент он не стал докапываться до сути исключительно потому, что его внимание постоянно отвлекали: то история с Сяосяо, то визит Чэнь Ханя, то расследование исчезновения во время поездки на курорт... Вереница мелких происшествий заслонила собой всё, из-за чего присутствие Цинь Цзиня совсем отошло на второй план.

Постучав костяшками пальцев по дверце машины, Старик Ли откашлялся, давая понять, чтобы сын не заставлял его повторять сказанное.

Ли Хуайчэнь вздохнул. Теперь он понимал, почему Ли Аньцин по дороге назад добровольно вызвался сесть за руль.

Шофёру достаточно просто внимательно вести машину, и ему не нужно отвечать на вздорные требования старших.

В этот момент Ли Сичунь прибёг к своему излюбленному аргументу:

— Младший брат — взрослый человек...

Но стоило ему это произнести, как Старик Ли переключил свой гнев на всех без разбора:

— Ты тоже взрослый человек! Держишь картинную галерею, занимаешься искусством, так почему у тебя такой паршивый вкус на людей?

— ...

Мужчины, на которых в последние годы западал Ли Сичунь, оказывались один хуже другого: то махровые шовинисты, то прохвосты, пытавшиеся избавить мир от жены ради страховки вместе со своей свояченицей, то подкупленные подсылы... Что касается того же Юань Сюаня, тот тоже явно был не промах.

— И вы двое! — Старик Ли направил нападки на Ли Хуайчэня и Ли Аньцина. — У самих возраст уже солидный, а ни намёка на личную жизнь! Скажи кому — кто поверит?

С этими троими уже всё было понятно. Но если ещё и младший сын свяжется с Цинь Цзином — это же просто кошмар наяву!

Чтобы прекратить бесконечное ворчание Старика Ли, Ли Хуайчэнь сам набрал номер и прервал поток нотаций коротким «алло».

После короткого разговора Ли Хуайчэнь повернул голову:

— Он с Цинь Цзином на горе Юйвэн. — Он сделал паузу и спросил: — Попросить младшего брата сейчас вернуться?

Старик Ли раскрыл рот, уже готовый рявкнуть: «Пусть немедленно валит домой!»

Но слова застряли в горле, и он замолчал.

Гора Юйвэн — известное святилище для влюблённых. Он мысленно восстановил маршруты к дому и убедился, что ни один из них не пролегал через гору Юйвэн. Туда можно было попасть, только специально сделав крюк.

Первая вспышка гнева сменилась глубоким бессилием, зародившимся в тайниках его души. Ну накричит он, ну заставит приехать домой — и что дальше? Устроить скандал на глазах у ребёнка, а потом выгнать Ли Сяньфу из дома?

Из этого выйдет только одно — отец и сын окончательно станут врагами.

В годы взросления Ли Сяньфу он не был хорошим отцом. Из-за разлада с Тао Хуайсю у него не раз мелькала мысль: «Мать испортила ребёнка своим воспитанием».

К старости люди либо окончательно выживают из ума, либо начинают заниматься самоанализом. Старик Ли относился ко вторым. Он решил, что сегодняшней выбор Ли Сяньфу — следствие дурного примера в семье, своеобразный бунт против родителей из-за разочарования в них.

При этой мысли он тяжело зажмурился. Сдавленным от волнения голосом он произнёс:

— Пусть делает что хочет.

Ли Хуайчэнь повесил трубку.

Из-за внезапного молчания Старика Ли в салоне установилась гнетущая тишина.

На перекрёстке, пока они ждали зелёного сигнала светофора, Ли Аньцин невзначай спросил:

— Сяньфу поехал молиться о любви для Су Тао?

— Угу, — Ли Хуайчэнь посмотрел в окно и пересказал то, что услышал во время звонка: — «Хозяин, мне нужен самый большой и самый действенный Замок Сердец, цена не имеет значения».

Ли Сяньфу на том конце провода проявил нехарактерную для себя щедрость и потребовал самый дорогой.

Ли Аньцин тихо усмехнулся.

Загорелся зелёный, машина тронулась. До Старика Ли с задержкой дошёл смысл сказанного. Он мгновенно распахнул глаза и уставился на Ли Хуайчэня:

— Что ты только что сказал?! Кому этот мелкий паршивец поехал молиться о любви?!

— Су Тао, — терпеливо повторил Ли Хуайчэнь. — Он надеется, что Су Тао поскорее официально распишется со своим женихом. Сейчас он вместе с Шаша и Цинь Цзинем — они втроём искренне молятся на горе Юйвэн и вешают Замок Сердец.

— ...

Всего минуту назад Старик Ли прошёл через мучительное перерождение. Он вспоминал прошлое, честно анализировал свои ошибки и впервые попытался понять сына. В тот миг ему показалось:

Вот каково это — быть отцом.

Он тоже может стать великим отцом.

Из океана печали родилось светлое смирение.

И вот теперь... Старик Ли, уверовавший, будто наконец-то понял своего ребёнка, опять ничего не понимал.

Какой нормальный человек пойдёт ночью на гору, прихватив ребёнка и друга с неопределённым статусом отношений, чтобы молиться за чужую любовную судьбу?!

— Да что у него вообще в голове?! — каждое слово прорывалось сквозь стиснутые зубы.

Заметив, как лицо отца то бледнеет, то краснеет, Ли Хуайчэнь подумал, что тому не поздоровилось, и откупорил бутылку минеральной воды.

Старик Ли не стал пить и отмахнулся:

— Ты не понимаешь... Я просто устал. Сердце устало.

<http://bllate.org/book/18300/1757269>